

Михаил Александрович ШОЛОХОВ

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Смерть не властна над гением. Я произношу эти слова и раз, и два, и три, а под натянутой кожей щек ходят желваки, тугой ком подкатывает от сердца к горлу. Он умер, его нет... Осиротела вся советская литература, потрясен весь просвещенный мир, получив эту трагическую весть.

Более чем полвека мы жили, работали, творили, боролись и побеждали со светлой и радостной мыслью, что он — среди нас. И что он бесконечно наш. Магическое его слово окрыляло, было для нас надежной опорой.

Два или три года назад, совсем недавно, мы, группа литераторов, провожали Михаила Александровича из Москвы в Вешенскую. Как это бывает, долго толпились у входа в вагон, лишь на последней минуте он ушел в свое купе, долго махал рукой. Побежали вагоны. На каждом — «Тихий Дон». И тогда вспомнилось, что где-то там, на

юге, куда уносил сейчас поезд этого самого что ни на есть обыкновенного с виду человека, с тихим, едва слышным голосом, есть колхоз, нареченный «Тихим Доном». На дальнем севере — рыболовное судно с тем же именем, то же имя носит кооператив в ГАР — и все это при жизни человека, сделавшего два эти слова — «Тихий Дон» — столь значительными, что они теплою волной вливаются в наши души.

Только время, только оно, мудрое и несуетное, сделает то, что нам не по силам, — создаст истинный портрет этого человека. Лишь оно сможет ответить, почему на протяжении более полувека имя Шолохова повторяется с каким-то особым, неизъяснимым чувством, почему народ полюбил его так, что на веки вечные присвоил себе и никому никогда не отдаст. Почему обыкновенная казачья станица

Вешенская стала для всего света вроде литературной Мекки, почему творения одного из ее жителей трепетно близки и дороги и крестьянину, и рабочему, и академику.

А все она, матушка-правда, и повелевала, и водила рукою писателя. Она-то и привела его, пускай самым трудным, самым жестоким, но зато и самым коротким путем к нашим сердцам, в полную меру открывавшимся всегда, во все времена лишь правде. Не в том ли секрет всечеловеческой любви к Михаилу Александровичу Шолохову? Любовь же, как ведомо всем сущим на земле, вызывается лишь ответной любовью...

Теперь он ушел от нас, Ушел, чтобы навеки остаться с нами...

Михаил АЛЕКСЕЕВ,
писатель, лауреат
Государственной
премии СССР,
Герой Социалистического Труда.
(ТАСС).

Ни один язык не знает таких слов, какими можно выразить тяжесть нашей утраты — умер Михаил Александрович Шолохов.

Двадцатый век в мировом искусстве восходил с именем Горького, заканчивал свой путь, озаренный гением Шолохова. Его книга «Тихий Дон» еще не была дописана до конца, как все, кто умел читать, весь народ обновленной России уже знал о ней, страдал и радовался вместе с ее героями, смеялся и плакал над страницами этого поистине великого романа XX века.

Никакая книга еще не проникала так в глубины русского человека, в самые заповедные уголки его души, как эта. Потому

ХУДОЖНИК-КОММУНИСТ

что не просто большой художник, не просто писатель, а как бы сам народ голосом Шолохова заговорил о самом себе, о своих болях и страданиях, о пределе напряжения, с каким он, русский народ, ломал историю и выбивался к новой жизни.

Подобно миллионам других людей я породнился с «Тихим Доном» с самого нежного возраста, и с тех пор эта книга живет во мне, как все самое близкое и родное на моей прекрасной земле. Имя Шолохова, его книги неотделимы для меня от понятия «Родина» — от ее степей и ее столицы, от

всего нашего братского Союза, — вообще от мира, в котором мне суждено жить.

Я вспоминаю, как мы, деревенская детвора, собирались в первый свой выезд в степь пахать уже общее колхозное поле. Собирали в сундучки пожитки, смену белья, домашнюю снедь, а сверху мой босоногий дружок Санька укладывал большую книгу, истрепанную, обласканную уже многими руками наших отцов, старших братьев, наших сельчан, книгу под названием «Тихий Дон». А потом, после длинного дня пахоты, маленькие колхоз-

ники, босоногие погоньчи, ложились вокруг этой книги на животы и слушали санькино чтение, слушали, как он чуть ли не по складам читал и переворачивал тяжелые страницы. Иногда присаживался к нам кто-нибудь из мужиков, тоже слушал, сворачивая сигарку и затягиваясь крепким дымком.

И все в том же селе уже совсем недавно один из прежних моих дружков, в рыжей щетине мужик плакал на моем плече, рассказывая свою нелегкую жизнь, глотал мужицкую слезу и тихо жаловался, говорил мне, не

снимая головы с моего плеча:

— Может, к Шолохову съездить? Как ты думаешь?

И я сам готов был заплакать, но не от горя своего друга, мне тоже пришлось повидать немало, а от этого всхлипла душа — «Может, к Шолохову съездить?». Так, наверное, собирались к Толстому нести свое горе, свои заботы русские люди.

Нет, не одна литература наша понесла тяжелую утрату — ее понес весь наш народ до самого последнего человека.

Мы потеряли художника, который был нашей совестью, нашим примером и учителем. И если говорить о том, чему он учил нашу литературу, всех ее больших и малых работников, то надо сказать, что учил он главному — понимать правду нашей жизни, именно понимать, а уж затем говорить ее людям, своему народу. И не было бы чем утешить нас в нашем горе, если бы не сознание того, что с нами всеми на всю жизнь, на все время останутся и «Тихий Дон», и «Поднятая целина», и «Судьба человека», и каждое слово великого писателя. Останутся навсегда.

Василий РОСЛЯКОВ.

СИЛА ПРАВДЫ

Я воспринимаю кончину Михаила Александровича Шолохова как большое личное горе. Я — его земляк, родом с донской станицы Усть-Медведицкой, не раз описанной в произведениях великого писателя. Да и фамилия моего казачьего рода Ситниковых встречается на страницах знаменитого романа «Тихий Дон».

Еще до войны Шолохов был для меня самым дорогим писателем, а на фронте его пламенный, могучий талант стал еще дороже. Это могут сказать многие фронтовики.

Мне довелось в годы войны прошагать по дорогам Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. И такое у меня сейчас чувство, будто рядом, в таких же, как у меня, солдатских сапогах, шел этими трудными дорогами за нашей «катушей» мой земляк, замечательный писатель, пламенный патриот М. А. Шолохов. Ведь его выступления, очерки, корреспонденции с фронтов, опубликованные в газетах, мы читали на коротких привалах.

Л. СИТНИКОВ,
ветеран войны.

Тяжелую утрату понесли не только советская литература, но и советский кинематограф, советский театр. Ушел из жизни великий писатель нашего времени Михаил Александрович Шолохов, чье творчество оказало влияние на все наше искусство. К его произведениям постоянно обращаются мастера сцены, театра, кино.

В моей актерской биографии встреча с творчеством Шолохова была решающей. Я благодарен судьбе, что смог родиться как актер именно благодаря произведениям этого мастера. Сыграл коммуниста Бунчука в фильме «Тихий Дон» С. Гераси-

ДОРОГ СЕРДЦУ КАЖДОГО

мова. Был необыкновенно счастлив, когда мне доверили сыграть бескомпромиссного, преданного нашей партии и делу колхозного строительства Семёна Давыдова в фильме «Поднятая целина» по одноименному роману М. Шолохова (режиссер — постановщик А. Иванов). Наконец, мне довелось исполнять роль Николая Стрельцова в радиоспектакле «Они сражались за Родину».

Неизгладимое впечатление оставили встречи с Михаилом Александровичем на съемочных пло-

щадках. Человек очень деликатный, уважительно относящийся к творчеству деятелей искусства, он не навязывал свое мнение, не торопился делать выводы даже после просмотра отснятого материала.

Последняя моя встреча с великим писателем состоялась год назад в станице Вешенской по дороге в Ростов-на-Дону, где предстояли праздники, посвященные 50-летию выхода в свет «Поднятой целины». Михаил Александрович был еще полон

сил, живо участвовал в разговоре, шутил, подробно расспрашивал о Москве. Озорно сверкали его глаза. Таким он и останется в моей памяти.

Шолоховское слово, глубина мышления и самобытность, постоянное внимание к людям — для нас пример художнической взыскательности, истинной человечности. Написанные по горячим следам событий, книги Шолохова навсегда войдут в золотой фонд мировой литературы.

П. ЧЕРНОВ,
народный артист
РСФСР, лауреат
Государственной
премии СССР.